

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПОЛИТИКИ “БУФЕРИЗМА”: МАРИОНЕТОЧНОЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ГОСУДАРСТВО-БУФЕР КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИГРА БОЛЬШЕВИСТСКОЙ РОССИИ*

Аннотация: В статье вычленяется геополитический аспект буферной политики на Дальнем Востоке в русле противоборства двух тогдашних региональных лидеров – Японии и США. Их соперничество сделало возможной активную игру на противоречиях между этими державами, в которую через искусственное государство-буфер и попытались включиться большевики, чтобы отыграть назад утраченные позиции, вернуть России статус дальневосточной региональной державы. Для начала 1920-х гг. эта весьма деликатная тактика дипломатической игры на противоречиях являлась едва ли не единственно возможным для Советской России способом выдавливания Японии с российского Дальнего Востока, кроме разве что потенциально возможного силового. Проанализированы причины, почему далеко не все геополитические потенции государства-буфера были реализованы.

Ключевые слова: геополитика, Дальневосточная республика, Советская Россия, японская интервенция, японо-американские противоречия.

Российская смута и сопровождавший её распад имперской государственности привели к резкому ослаблению позиций России в раскладе сил с сопредельными державами на Дальнем Востоке. Затянувшаяся междоусобица, многовластие и локализм при активных попытках вмешательства извне в русские дела привели к настоящей геополитической катастрофе. В какой-то момент бывший имперский центр перестал контролировать свои традиционные сферы влияния в регионе, по существу отказавшись от механизмов активной внешней политики и уступив их другим державам – Японии, США и, отчасти, Великобритании. Россия как государство оказалась перед реальной опасностью всерьёз и надолго (возможно, что и навсегда) потерять собственные дальневосточные территории.

Короткую историю “буфера” на российском Дальнем Востоке – Дальневосточной республики (ДВР) – в историографической традиции принято увязывать со взятой Советской Россией мирной передышкой, которая аргументировалась необходимостью избежать непосильной для большевиков войны сразу на несколько фронтов, разрухой, продовольственными трудностями, эпидемиями и антибольшевистскими восстаниями в центре страны и в Сибири, ожиданием укрепления внешнего и внутривосточного положения Советской России, прорывом блокады страны, а также накоплением военных сил большевиков в дальневосточном регионе и постепенным выдавливанием отсюда японских интервентов и их марионеток. Такой подход превращает буферный компромисс в едва ли не пассивное для его фактического инициатора – большевиков – ожидание перемен к лучшему, а самое главное, оставляет в стороне геополитический аспект – острое противоборство двух тогдашних региональных лидеров – Японии и США. На самом же деле именно их соперничество сделало возможной активную игру на противоречиях между этими державами, в которую через искусственное марионеточное государство-буфер и попытались включиться большевики, чтобы отыграть назад утраченные позиции, вернуть России статус региональной державы-лидера. Игра на межимпериалистических противоречиях, сделавшаяся

* © Азаренков А.А.

излюбленной стратегемой большевистской дипломатии практически до конца существования СССР, преподносилась под идеологическим соусом, хотя по существу имела геополитический характер.

Следует отметить, что идея стратегического союза с Россией (пусть даже большевистской) против Японии начала прорабатываться с начала 1920-х гг. прежде всего среди американских военных, глубоко разочарованных в результатах вильсоновского антибольшевистского интервенционизма [1]. Немало сторонников она имела среди командного состава ВМФ США, небезосновательно опасавшихся резкого усиления позиций Японии после военного ухода Америки из региона [2].

Провозглашённый де-юре в апреле 1920 г. и утвердившийся де-факто к концу того же года целиком подконтрольный Москве, но формально выдаваемый за вполне независимый, демократический и рыночно-буржуазный буфер создавал внешне привлекательные условия для бизнеса и снимал важное идеологическое препятствие, делая возможным более активное подключение американской дипломатии к противодействию японской экспансии на Дальнем Востоке. Через буферное прикрытие и Вашингтон, и Токио могли разговаривать с Москвой, не поступаясь принципами. Москва могла делать то же самое, сохраняя идеологическую стерильность и не обременяя себя никакими конкретными обязательствами, а при необходимости и в нужный момент – легко отказываясь от тех уступок, которые приняли на себя власти буфера.

Разумеется, скрыть всю эту тактику “троянского коня” (данный термин применительно к Дальневосточной республике первым использовал В.Э. Молодяков [3]) было невозможно: и японцы, и американцы понимали, с кем и с чем они имеют дело, но молчаливо соглашались делать вид, что желают быть обманутыми и играть в предложенную Москвой игру (разумеется, в собственных интересах, через торг с властями “буфера” за разного рода гарантии, компенсации и экономические уступки). В этой связи небезынтересна реакция дипломатического представителя США во Владивостоке на ход работы дальневосточного Учредительного собрания: “Если они (парламентарии так называемой “крестьянской фракции большинства”, полностью подконтрольной РКП (б) и отчасти даже включавшей в свой состав так называемых “скрытых коммунистов” – к крестьянам не имевших никакого отношения. – А.А.) голосуют с коммунистами, то, значит, так хотят, и тут необходимо поставить точку” [4].

Тот, кто хотел убедиться в полной легитимности дальневосточной буферной демократии, остался вполне доволен. Получается, что расчёт строителей буфера – большевиков – на демократическое прикрытие – многопартийность, всеобщие выборы и парламент, призванные нейтрализовать обвинения в прокоммунистическом характере государства-буфера, в принципе оказался верным, хотя и лишь отчасти.

В то же время, несмотря на буфер, официальный Вашингтон (в отличие от Токио) продолжал блюсти максимальную осторожность и шёл лишь на неформальные контакты, предпочитая особенно не афишировать свою связь даже со скрытыми большевиками – властями буфера. Отвечая на вопрос об отношении его правительства к продолжению японского присутствия в регионе, американский дипломат Смит выразился вполне определённо: “Если буфер будет чисто коммунистический, что опасно для дальневосточных стран, то Америка не вмешается. Если же буфер будет демократический, то Америка не только не позволит оккупировать, а будет стремиться к экономическому возрождению края... Концессии Вандерлипа взволновали американских промышленников, и они с жадностью смотрят на Дальний Восток, но капиталы свои дадут только тогда, когда будет не большевизм, а демократизм... Словом, если мы увидим, что проникновение большевизма на Восток можно остановить только ок-

купацией, то протестовать против таковой не будем” [5]. К тому же нужно учитывать, что позиции Москвы в дальневосточном регионе оставались довольно уязвимыми, а перспективы самого большевистского режима в России из-за океана выглядели не слишком определёнными.

С другой стороны, невзирая на создание буфера, задержка эвакуации японских войск с русской территории недвусмысленно указывала на планы будущей экспансии Японии на Дальнем Востоке. Императорское правительство небезосновательно считало главной опасностью для этих планов возможное объединение региона под флагом большевизма. Ответом на образование ДВР стала новая тактика Японии на свёртывание открытой экспансии и переход к не слишком завуалированной военно-политической поддержке российских коллаборантов. Таковые, конечно, нашлись, но в то же время интервенты столкнулись с неприятной для себя тенденцией значительного роста патриотических настроений со стороны широких масс населения Дальнего Востока, в первую очередь в наполненном японцами Приморье [6]. Правда, к началу 1921 г., когда иллюзии относительно буферной демократии среди цензовых элементов и у части интеллигенции начали стремительно таять, указанная тенденция ослабла, хотя и не исчезла совсем. К концу существования государства-буфера она вновь окрепла, но уже, скорее, по причине обнаружившейся недееспособности “белых” режимов братьев Меркуловых и Дитерихса.

Одновременно Япония попыталась расколоть формирующийся фронт других держав во главе с США, недовольных слишком самостоятельной и активной позицией своей азиатской союзницы. С этой целью с начала 1921 г. началось формирование франко-японского альянса для борьбы с большевизмом. Франция стала участницей альянса совсем не случайно: она оказалась самым непримиримым противником большевистского режима, поскольку являлась основным российским кредитором и наиболее пострадала от экспроприации собственности и финансовых активов на российской территории. После эвакуации сил Русской армии барона П.Н. Врангеля из Крыма в декабре 1920 г. у французского правительства возник план поскорее от неё избавиться, перебросив морским путём в российское Приморье. Последнее таким образом превращалось в мощный антибольшевистский форпост, а южная часть Дальнего Востока всерьёз и надолго отрывалась от большевизированной России. Франция обратилась к Японии с предложением оказать Токио содействие в сибирском вопросе, которое выражалось бы в обработке международного общественного мнения с целью признания японских прав на установление временного протектората над российскими территориями. В обмен японское правительство должно было активно поддерживать в военно-политическом отношении “освобождение занятых большевиками сибирских территорий” силами “бывшей армии Врангеля под руководством Семёнова или других русских офицеров” [7].

Япония не только согласилась, но и со своей стороны предприняла усилия по ускорению осуществления этого плана. 7 февраля 1921 г. Япония и Франция потребовали для Владивостока статуса “международного” города [8]. Были устроены и “смотрины” нового военного диктатора. Одиозный атаман Семёнов на эту роль, правда, не подошёл, зато сгодился генерал каппелевской армии В.М. Молчанов. На территории Приморья 26 мая 1921 года при едва прикрытой поддержке Японии была свергнута власть ДВР (первая попытка антибольшевистского переворота во Владивостоке с 30 на 31 марта оказалась плохо подготовленной и потому неудачной) и установлен про- японский марионеточный режим братьев Меркуловых. Теперь Владивосток был готов принять французские суда с формированиями врангелевской армии.

Стремление интернационализировать японское присутствие на Дальнем Вос-

токе и активизация японской политики в Приморье ещё больше обеспокоили пока ещё достаточно влиятельный военный истеблишмент США. Не только американские военные, но и Госдепартамент сомневались в надёжности Японии как партнёра для поддержания формируемой Соединёнными Штатами системы равновесия сил в Восточной Азии и не желали бездейственно наблюдать, как Япония медленно, но верно и уверенно продвигалась к установлению протектората над частью российского Дальнего Востока. Ещё больше дипломатов раздражала информация, что инициатива активизации прямой военной поддержки Японии антибольшевистским силам на российском Дальнем Востоке исходила от Франции – недавней союзницы Америки в мировой войне [9].

Таким образом, задача американской внешней политики по блокированию японской экспансии объективно совпадала с интересами большевиков, в свою очередь обеспокоенных перспективой развёртывания нового витка широкомасштабной гражданской войны на Дальнем Востоке. И для Москвы, и для Вашингтона главным противником в регионе однозначно являлась Япония.

Без сомнения, в США не рассматривали именно большевиков в качестве надёжного и долгосрочного союзника против Японии. Тем более, что влиятельные политические силы Америки пока что просто не принимали их всерьёз. Американская сторона сводила свой расчёт к достижению вполне прагматичных дивидендов. Московская власть ещё была слишком слаба, тем более на Дальнем Востоке, чтобы можно было рассчитывать на неё как на силовой фактор в блокировании японского влияния. Скорее всего, Соединённые Штаты попытались задействовать Москву лишь как один из запасных вариантов с целью превентивной активизации российской континентальной массы и её людских ресурсов на борьбу с японской опасностью. Суть нового курса Америки в отношении России (если вообще можно говорить о курсе как таковом) состояла в том, чтобы в дальнейшем воздерживаться от вмешательства в её внутренние дела, дать ей самоопределиваться, по возможности взаимодействуя с большевистским режимом лишь на антияпонской основе.

Основным же вариантом американской политики являлось, без сомнения, дипломатическое и финансовое давление на европейских союзников, считавших японское хозяйничанье на Дальнем Востоке не задевающим их собственных сфер влияния, а также непосредственно на Японию, пока не готовую к открытой военной конфронтации с США.

Стоит отметить, что роль стратегов и офицеров военного флота в определении американской внешней политики после завершения мировой войны всё ещё была важной, хотя и быстро падала. Основной задачей военно-морского лобби было сохранить и впредь преобладающее влияние на политическое руководство США. Главным противником военных здесь выступал американский бизнес, заинтересованный в скорейшей экономической утилизации ёмких дальневосточных рынков, прежде всего китайского, японского и русского. Капитал торопил своих политиков, нуждаясь в компромиссе с Японией и создании стабильной обстановки для масштабной американской экономической экспансии, в частности, в Китае.

Пока обстановка оставалась неопределённой, американский бизнес занимался зондажем возможностей для концессионной деятельности и на территории буферной ДВР (особенно активно с середины 1921 г.). Но, кроме разве что наиболее рискованных пионеров-одиночек, до окончательной политической стабилизации в этой части России вкладывать деньги сюда американцы всё же поостереглись. А когда с японской эвакуацией из Приморья эта масштабная экономическая интервенция Америки, наконец, сделалась возможной, было слишком поздно. К моменту завершения Вашинг-

тонской конференции американский капитал хлынул в Японию и Китай. Эти два рынка оказались столь ёмкими, что полностью поглотили свободные финансовые активы Уолл-стрита и девальвировали привлекательность ресурсов российского Дальнего Востока для заокеанских инвесторов, по крайней мере, в обозримой перспективе.

Впрочем, есть сомнение в том, насколько серьёзные американские компании и деловые люди изначально были готовы вести дела с Россией. И дело здесь вовсе не в большевиках, а в отсутствии коммерческого интереса к русским делам у “серьёзных людей” Америки. Даже до русской революции, когда единственным (хотя для американской стороны и принципиальным) препятствием для сотрудничества с Россией был т.н. “еврейский вопрос”, доля России в общем внешнеторговом обороте США составляла всего-навсего 3% [10]. Учитывая это обстоятельство, вполне допустимо предположить, что на деле рассчитывать на реальную помощь американского бизнеса, не говоря уже о каких-то шагах официальных властей США навстречу России, большевикам всё же не приходилось. Во все не случайно стремление к торговле и инвестициям в большевистскую Россию в основном выказывали авантюрные лица, склонные к лёгкой наживе, часто не имевшие за душой ничего, кроме громких прожектов, либо бизнесмены, прогоревшие у себя дома и естественным образом искавшие выхода из проблем с законом там, где закон отсутствовал вовсе – в России [11].

Следует констатировать и то, что поддержка де-факто против Японии из Вашингтона вряд ли была для Москвы и Читы слишком ощутимой, по крайней мере, в той степени, в какой на это могли рассчитывать сами большевики. В то же время для начала 1920-х гг. весьма деликатная тактика дипломатической игры на противоречиях США и Японии являлась едва ли не единственно возможным для Москвы способом (кроме разве что потенциально возможного силового) выдавливания Японии с российского Дальнего Востока. Имея достаточно ограниченное поле для маневра, большевики, будучи самым слабым в тогдашних условиях игроком, тем не менее, заняли не выжидательную, а оптимально возможную в той ситуации активную позицию, добиваясь в качестве приоритетной задачи ликвидации японской интервенции и максимально быстрого заполнения открывавшихся возможностей к восстановлению геополитических позиций России как региональной державы.

Между тем, усиление давления со стороны держав во главе с США на Японию и падение популярности поддерживаемых последней группировок коллаборантов в регионе способствовали тому, что уже один только временной фактор, даже бездейтельное ожидание повышали шансы России расширить границы своего влияния до берегов Тихого океана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Обстоятельный анализ русской политики президента США В. Вильсона и противоречивые итоги странной интервенции Америки в России подробно проанализированы в сравнительно свежей монографии американских историков см.: Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. М., 2002.
2. Фукс М.В. Планы сине-оранжевой войны и первые шаги российско-американского военного сотрудничества на Дальнем Востоке // Электронный ресурс: http://www.zaimka.ru/soviet/fuchs2_p1-4.shtml.
3. Молодяков В.Э. Россия и Япония: поверх барьеров: Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1899–1929). М., 2005. С.182. Данная монография известного российского историка представляет собой, пожалуй, наиболее глубокий и, насколько это вообще возможно, бесстрастный анализ зигзагов поведения Японии в отношении России в 1920-е гг., а также зачастую принципиальнейших различий в подходах самих японских политиков к русскому вопросу.
4. Информация осведомительного отдела ГПО ДВР от 21 февраля 1921 г. – Российский государственный архив социально-политической истории (Москва; далее – РГАСПИ). Ф. 372. Оп. 1. Д. 1165. Л.

- 11.
5. Сводка осведомительного отдела ГПО ДВР от 21 января 1921 г. – РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 13. Л. 30.
6. Согласно информации, направленной в Москву в начале февраля 1920 г. Владивостокским комитетом РКП (б), отмечался факт “большого сдвига мелкобуржуазных и буржуазных групп, приведший их, за исключением численно ничтожной кучки верных Семёнову и Калмыкову офицерства и спекулянтов, в сторону активного выступления против интервентов”. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 12. Д. 161. Л. 52 об. Аналогичная по смыслу информация фиксируется и из противоположного политического лагеря. В докладе председателя владивостокского комитета партии кадетов И.А. Фихмана о положении на Дальнем Востоке, сделанном на заседании Парижской демократической группы (милюковского крыла) партии народной свободы (кадетов) 19 января 1922 г., отмечалось что “не только владивостокские левые кадеты, но и местные буржуазные круги ясно понимали всю опасность проникновения и внедрения Японии на Дальнем Востоке и, благодаря этому, отдавали предпочтение большевикам. По общему их мнению, большевизм не может быть жизненным и вечным и рано или поздно исчезнет, а Япония, если внедрится на Дальний Восток, захватит его навсегда или, по крайней мере, на очень долгое время. При этом там, где господами положения явятся японцы, русским (как и вообще европейцам) делать будет уже нечего, и край будет потерян для России. Вследствие этой грозной опасности был весьма сочувственно встречен лозунг объединения против Японии всех местных политических течений, начиная от правой буржуазии и до коммунистов включительно”. – См.: Протокол заседания парижской демократической группы партии народной свободы от 19 января 1922 г. № 21. – Протоколы Центрального комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии: В 6 т. М., 1999. Т. 6. Кн. 1: 1922 г. С. 34-35.
7. РГАСПИ. Ф.144. Оп.1. Д.160. Л.7.
8. Фукс М.В. Планы сине–оранжевой войны... // Электронный ресурс: http://www.zaimka.ru/soviet/fuchs2_p1.shtml.
9. Там же.
10. См.: Протокол заседания Парижской демократической группы партии народной свободы от 16 февраля 1922 г. № 25 // Протоколы Центрального комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии: В 6 т. М., 1999. Т. 6. Кн. 1: 1922 г. С. 79.
11. Подробнее об американских концессиях на Дальнем Востоке России см.: Долгов Л.Н. Экономическая политика гражданской войны: опыт Дальнего Востока России. Комсомольск-на-Амуре, 1996. С. 91-92, 112; Марьясова Н.В. Американские предприниматели-концессионеры на Дальнем Востоке в 1920-е годы // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 5. С. 92-100; Она же. Основные направления, принципы и методы концессионной работы в условиях Дальнего Востока России в 20–30-е годы // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Мат-лы междунауч. конф. (докл. и сообщ.), 18-20 июня 1996 г. Владивосток, 1997. С. 152-159; Она же. История золотопромышленной концессии Д. Винта // Съезд сведущих людей Дальнего Востока. Материалы науч.-практ. ист.-краеведч. конф., посв. 100-летию Хабар. краевед. музея. Хабаровск, 1994. С. 154-156; Она же. Организация концессионной политики и практики в условиях ДВР // Из истории Дальневосточной республики. Сб. науч. тр. Владивосток, 1992. С. 121-135; Мухачёв Б.И. В.И. Ленин и Северо-Восток в период образования и деятельности Дальневосточной республики // В.И. Ленин и Дальневосточная республика. Сб. науч. тр. / Под общ. ред. А.И. Крушанова. Владивосток, 1985. С. 112-128; Попов В.Г. Концессионная политика Советского государства на русском Дальнем Востоке (1922–1944 гг.) // Вопросы истории гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России. Сб. науч. тр. Владивосток, 1994. С. 117-121; Сараджан Г.С. Дальневосточная республика и США // Из истории Дальневосточной республики. Сб. науч. тр. Владивосток, 1992. С. 135-143; Флёров В.С. Политика в отношении частного капитала на Дальнем Востоке (1922–1925 гг.) // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск, 1972. Вып. VII. С. 152-166 и др.

A. Azarenkov

THE FOREIGN-POLICY CONTEXT OF THE “BUFFERISM” POLITICS: THE PUPPET FAR-EASTERN “BUFFER-STATE” AS A GEOPOLITICAL GAME OF BOLSHEVIK’S RUSSIA

Abstract: The article accentuates a geopolitical aspect of the “buffer” politics in the Far East in the course of counteraction between the two regional leaders of that time – Japan

and the USA. Their antagonism made possible an active “game of collision” between these powers, where the Bolsheviks attempted to “switch into” by means of the artificial “Buffer-State” in order to “play back” the lost positions, give Russia back the status of the Far Eastern regional power. For the early 1920’s that rather delicate tactics of the diplomatic “game of collision” was but an only possible for the Soviet Russia way of pressing-out Japan from the Russian Far-East, except for the potential force one. The reasons why not all the geopolitical potentialities of the “Buffer-State” had been realized were also analyzed in the article.

Key words: Geopolitics, Far East republic, the Soviet Russia, Japanese intervention, the Japanese-American contradictions.